

На правах рукописи

БАРАНОВА ВЛАДА ВЯЧЕСЛАВОВНА

***ГРЕКИ ПРИАЗОВЬЯ:
ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ЯЗЫК***

Специальность: 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2006

Работа выполнена на факультете этнологии Европейского университета
в Санкт-Петербурге

Научный руководитель: доктор филологических наук Н.Б. Вахтин

Официальные оппоненты: доктор филологических наук Ф.А. Елоева,
кандидат исторических наук А.А. Новик

Ведущая организация: Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)

Защита состоится 24 октября 2006 г. в 14 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3)

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МАЭ РАН (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3)

Автореферат разослан 23 сентября 2006 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук

А.И. Терюков

Общая характеристика работы

В центре исследования находится проблема соотношения этнической самоидентификации и языка *приазовских* или *мариупольских греков*: двуязычной группы с греческим самосознанием, едиными бытовыми практиками и конфессиональной принадлежностью, отделяющей себя от других греческих групп бывшего СССР. Численность сообщества по данным Всеукраинской переписи населения 2001 года составляет 77,5 тыс. человек. Группа проживает на территории Мариупольского, Володарского, Первомайского, Волновахского, Тельмановского и Новоселковского районах Донецкой области, а также в отдельных населенных пунктах Запорожской области Украины

В лингвистическом отношении мариупольские греки разделяются на две подгруппы: носителей *урумского* (принадлежит тюркской языковой семье) и *румейского* (принадлежит греческой группе индоевропейской семьи) идиомов. Тюркоязычные греки называются в работе урумами, а грекоязычные – румеями. Таким образом, для части сообщества – урумов – характерно **несовпадение этнической самоидентификации и родного языка**, отмечаемое исследователями, соседями урумов (русскими и румеями) и осознаваемое самими тюркоязычными греками.

Язык в различной степени влияет на самосознание сообщества: Дж. Фишман разделяет группы, для которых родной язык является «главным признаком этничности», и те, для которых язык служит лишь «несобязательным, дополнительным выражением этничности»¹. Для мариупольских греков, разделенных в лингвистическом отношении на две группы, языковые проблемы находятся в центре внимания. Как внутригрупповые, так и «внешние» дискуссии об идентичности урумов и румеев строятся вокруг соотношения родного языка и этничности.

¹ Fishman Joshua A. Language and ethnicity: the view from within // The Handbook of Sociolinguistics / Ed. by F. Coulmas. Oxford: Blackwell. P. 330.

Значимые стороны культуры группы, находящейся во взаимодействии с другими сообществами, могут меняться, и в зонах постоянных контактов образуются относительно стабильные группы со «смешанными» признаками. Факт осознания отличия "своих" от "чужих" свидетельствует о том, что группа продолжает существовать, и позволяет исследовать меняющиеся формы культуры, перенося внимания с особенностей группы на процесс формирования этих признаков в ходе межэтнического взаимодействия.

В последние годы внимание к идентичности подобных «смешанных» сообществ, приспособляющихся к изменению языковой ситуации и окружению группы, чрезвычайно велико. Анализ самосознания мариупольских греков в контексте их языковой принадлежности представляется поэтому актуальным и помогает лучше понять этнические процессы, в том числе и в стабильных сообществах, обладающих непротиворечивыми признаками.

Существующее сегодня соотношение языковой, этнической и профессиональной принадлежности изучаемой группы сложилось в Крыму – в регионе интенсивных языковых и этнических контактов; затем, с момента переселения на побережье Азовского моря в 1778-1779 годах и до последнего времени сообщество не имело контактов с другими греческими или тюркоязычными группами, находясь в окружении сильно отличающегося в языковом отношении украинского и русского населения. С конца 1980х гг. поиски этнической самоидентификации мариупольских греков связаны с символическими и материальными ресурсами «титального» государства – Греции; в сообществе появились представления о себе как о диаспоре.

Хотя двуязычие мариупольских греков привлекло внимание этнографов еще в XIX в., исследований этнического самосознания этого общества не предпринималось: в предшествующих работах этничность приазовских греков трактуется в терминах происхождения или этниче-

ской истории группы. В диссертационном исследовании в центре внимания оказываются не объективные свойства группы, а этническое самосознание мариупольских греков и их представления о родном языке. Реализованный на обширном архивном и полевом материале, этот подход обеспечивает **новизну исследования**.

Цель диссертационного исследования состоит в описании этнического самосознания мариупольских греков в контексте их отношения к языку.

Для достижения заявленной цели в работе решаются несколько **задач**.

- 1) Анализ внешней категоризации (Ф. Барт) мариупольских греков (в официальных документах и других источниках), языковой и национальной политики государства в отношении группы в разные периоды.
- 2) Описание принятых в сообществе систем этнических номинаций.
- 3) Поскольку этнонимы и лингвонимы маркируют границы сообщества и позволяют выделить значимые для изучаемого сообщества группы, одной из задач является определить, в какие сообщества включают себя урумы и румеи, и какие соседние группы актуальны для них.
- 4) Анализ приписываемых группам особенностей, в том числе языковых характеристик. Описание языковой лояльности (language loyalty) группы, принятой системы оценок идиома.

Значимыми теоретическими проблемами для нас оказываются понятие этничности, группы и ее границ; роль языка среди других значимых факторов этнической идентичности; влияние идентичности индивида и группы на языковую лояльность и, косвенно, проблематика языкового сдвига (language shift) или сохранения языка (language maintenance).

Для **методологии диссертационного исследования** важно понятие этничности как результата социальных отношений на границах группы, описанное Ф. Бартом и получившее продолжение в работах Э. Козна,

Р. Дженкинса и др. В российской этнографии этот подход применяется в работах В.А. Тишкова, С.В. Соколовского, В.А. Шнирельмана, а также в исследовании старожильческих сибирских групп Н.Б. Вахтина, Е.В. Головки и П. Швайцера и некоторых других работах. Этничность сообщества вырабатывается во взаимодействии внутреннего определения группы и признаков, приписываемых соседями. Процесс обмена информацией на границах группы продолжается бесконечно, и этничность сообщества в каждый конкретный момент времени представляет собой промежуточный результат «переговоров» между различными группами.

Помимо равновесного взаимодействия на границах группы, на самосознание сообщества оказывают влияние политика государства и складывающиеся в результате этой политики «воображаемые сообщества» – нации, рассматриваемые в работах Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и др.

Для анализа соотношения языка и этнической самоидентификации значимо понятие языковой лояльности (*language loyalty*), предложенное в работах Дж. Фишмана, а также некоторые исследования языкового сдвига или сохранности языка (Н. Дориан, Дж. Фишман и др.). Языковая лояльность – это поддержка, оказываемая группой идиому или готовность носителей отказаться от него. Движение языковой лояльности приводит к тому, что этничность становится сознательным фактором в утрате или сохранении идиома, но вне зависимости от степени осознанности языковой лояльности сообщество обладает системой оценок идиома по таким признакам, как эстетическая ценность, высокий или низкий статус, коммуникативная пригодность и пр.

Материал исследования составили, с одной стороны, относящиеся к приазовским грекам данные архивов ГАДО, ЦГАВО, ЦГИАУ, Института рукописей НБУ им. В.И. Вернадского и опубликованные работы по истории группы, и, с другой стороны, полевые материалы автора, записанные в 2001-2005 гг. в румейских поселках Ялта, Малый Янисоль и урумских поселках Старый Крым и Гранитное в рамках студенческих

экспедиций кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ под руководством Е.В. Перехвальской и экспедиций факультета этнологии Европейского университета (В.В. Баранова и К.В. Викторова). В каждом из четырех поселков было проведено около 50 интервью с людьми, которые назвали себя *греками* и несколько бесед с их соседями, живущими в этом же поселке

Применялись следующие методы сбора материала: 1) интервью; 2) наблюдения; 3) лингвистические анкеты на урумском и румейском языках. Последние не используются в работе напрямую, но они способствовали пониманию этноязыковой ситуации в описываемых поселках.

Практическая значимость работы. Данное исследование легло в основу диалектологического и исторического очерка в учебнике урумского языка, составленного студентами и преподавателями кафедры общего языкознания СПбГУ, и может быть использовано для подготовки аналогичных учебных пособий. Результаты диссертационного исследования используются в курсах по социолингвистике в Европейском Университете; они могут также быть представлены в курсах по этнографии.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в выступлениях на заседаниях социолингвистического и полевого семинаров в Европейском Университете (2003-2005), в докладах на научных конференциях «Воображая пограничье: модели, идентичности, репрезентации» (Минск, Белоруссия, 2005 г.) и «Взаимодействие языков и языковых единиц» (Тарту, Эстония, 2005), VI Конгрессе этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 2005 г.).

Положения, выносимые на защиту

1. Самоидентификация греков Приазовья меняется под воздействием языковой и национальной политики государства и публицистики национально-культурных организаций.

2. Особенности идентичности изучаемой группы обусловлены исходным двуязычием мариупольских греков. Для самих носителей язык оказывается в центре внимания при обсуждении этничности.
3. Румеи и урумы включают себя в группу (*мариупольские*) греки, осознавая, в то же время, разделение на тюркофонов и эллинофонов.
4. Языковая лояльность группы служит промежуточным звеном между этнической самоидентификацией и сохранением идиома или отказом от него.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Основное содержание работы

Во **Введении** к диссертации дается общая характеристика исследуемой группы, источников и методов сбора материала, теоретических предпосылок работы, формулируются актуальность темы, новизна и цель исследования, а также его задачи, описывается структура работы.

Первая глава диссертационного исследования («**Греки Приазовья в официальных документах, публицистическом и научном дискурсе**») содержит краткий обзор языковой ситуации в Приазовье и истории группы в конце XVIII-XX вв. и анализ официальной категоризации урумов и румеев. Рассматриваются номинации урумов и румеев и представления о греках Приазовья в официальных документах, научных работах и публицистике греческих национально-культурных организаций. Выделенные три точки зрения на группу (или три участника взаимодействия), при всех различиях, демонстрируют общее свойство, а именно репрезентируют внешний, официальный взгляд на проблемы сообщества.

«Жалованная грамота Христианам Греческого закона, вышедшим из Крыма в Азовскую губернию на поселение (21 мая 1779 г.)», регулировавшая отношения государства и его новых подданных, предоставляла

переселенцам значительную административную и церковную автономию (Греческий суд в г. Мариуполе, отдельная епархия), освобождение от рекрутской повинности, налоговые и территориальные льготы (существовал запрет другим переселенцам селиться на землях греков). Замкнутая жизнь общины не способствовала распространению русского языка: Греческий суд рассматривал дела на румейском и урумском языках, эти же языки использовались при торговых операциях в г. Мариуполе. Языком богослужения также был греческий, хотя и отличающийся от румейского книжный вариант, – кафаревуса. Первые годы в Приазовье греки составляли особую епархию и сохраняли специфику греческого церковного обряда, который позднее был приведен в соответствие с требованиями Святейшего Синода.

В течение XIX века произошли существенные изменения в положении греческих поселенцев. Они утратили административное самоуправление и преимущественное право на земли, лишились относительной культурной автономии (богослужение и преподавание на греческом языке), которую – до некоторой степени – жители города Мариуполь стремились поддерживать. В то же время сообщество активно использовало возможности, предоставляемые освоением русского языка, в первую очередь, для получения образования (в гг. Екатеринослав или Ростов).

Значительное влияние на современное положение языков греков Приазовья оказала политика коренизации (1920-1930е гг.). Преподавание на родном языке в случае бесписьменных идиомов (а урумский и румейский не имели собственной литературной нормы) подразумевало выбор алфавита и близкого варианта стандартного языка. В румейских школах была принята димотика и реформированный греческий 30-буквенный алфавит, утвержденные на Всесоюзном совещании по вопросам просвещения среди греческого населения СССР в 1926 г., а урумам назначили преподавание крымско-татарского языка и Новый Татарский Алфавит на основе латиницы.

Отношение сообщества к эллинизации и, в меньшей степени, к татаризации было негативным. Протесты румеев связаны и с действительными неудачами языковой политики (выбор малопонятного местному населению языка преподавания, организационные трудности), и, в то же время, отражают низкую языковую лояльность группы и стремление к освоению русского языка (урумы, столкнувшиеся со сходными проблемами, воспринимали преподавание «родного языка» более положительно).

Архивные документы отражают не только фактические действия, составляющие национальную и языковую политику государства, но и по-иски определения группы, обладающей «сложной» этнической идентичностью. Наиболее значимая трансформация представлений государства о группе касается определения «главного» маркера группы, объединяющего ее в одно целое. Выбор свойства, делающего сообщество таковым, создающего его и определяющего границы группы для государства, не всегда последователен и очевиден, однако можно проследить основные тенденции.

Для Российской империи важную роль в этом отношении играла религиозная принадлежность; основным групповым маркером служило **вероисповедание**. В документах, созданных вскоре после переселения из Крыма, власти чаще всего используют термин (*крымские*) *христиане, христиане греческого закона*; на протяжении XIX в. он используется наряду с номинацией *греки*, которая в этот период является не этнической, а конфессиональной. Например, незначительные по численности негреческие христианские группы – «грузины, армяне и валахи», переселившиеся в Приазовье из Крыма вместе с греками (и затем ассимилировавшиеся), включались властями в группу «греки».

Происхождение урумов во второй половине XIX в. не вызывало сомнений у государства (согласно конфессиональной принадлежности православная группа, называющая себя *греками*, оценивалась как «греки») и обсуждалось лишь в научных работах по истории Крыма. Препе-

давание на русском языке и отмена богослужения на греческом снимало для государства вопрос о двуязычии группы и нивелировало отличия между урумами и румеями.

На рубеже XIX-XX вв. в этнографическом дискурсе распространяется представление о языке как наиболее важном признаке группы, определившее принципы переписи населения 1897 года. В предисловии к публикации результатов года по Екатеринославской губернии отмечается, что «состав населения по народности может быть определен только на основании показаний о родном языке»². Этничность не фиксировалась в переписи 1897 года; лишь в одной таблице «Распределение по группам занятий и по народностям на основании родного языка» использованы этнические термины, и урумы (или их часть) обозначены как «татары» и «турки» на основании языковой принадлежности.

В 1920-1930ые гг. в центре внимания чиновников оказалась тюркоязычная группа, тогда как румси были сочтены «греками» по умолчанию. В середине 1920-х гг. разворачивается дискуссия об этническом происхождении урумов и современном статусе группы. Первый подход продолжал традицию переписи 1897 года: при определении этнической принадлежности учитывался, главным образом, язык группы, и урумы оценивались как «татары», а не «греки». Возможно под влиянием самого сообщества, настаивавшего на своей греческой идентичности, возобладала другая точка зрения, ставящая во главу угла происхождение группы или индивида («кровь»); согласно этому подходу, урумы являются «греками», «потомками греков, переселившихся из Крыма».

Однако на фоне преподавания «родных языков» языковая принадлежность де-факто учитывалась как дополнительный признак, и значимость языковой идентичности группы была узаконена этнонимами «греко-эллины и греко-татары»; симметрия составных официальных номина-

2 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.13: Екатеринославская губ. / Под. ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. VII.

ций отражает иерархию этнических и лингвистических признаков группы.

С прекращением преподавания «родных языков» греков Приазовья в 1938-1939 гг. государство утратило необходимость различать две группы, и в документах осталось только этническое определение «по крови», то есть «по национальности родителей» (в похозяйственных книгах, паспортах, материалах переписей румси и урумы были указаны как «грски»). В 1980-2000е гг., период «этнического возрождения» греков Приазовья, система оценок не изменилась, поскольку официальные инстанции Греции требовали документального подтверждения «греческого» происхождения индивида.

В 1980-2000е гг. официальная категоризация связана, в первую очередь, с деятельностью Федерации греческих обществ Украины (ФГОУ, г. Мариуполь), координирующей преподавание и возрождение «родного языка». Языковая политика государства в этот период сводится к номинальной поддержке меньшинств. Под влиянием различных обстоятельств греческие общества пришли к решению преподавать в школах новогреческий язык как в румейских, так и в урумских поселках, и тем самым отказались от языкового самоопределения группы. Урумы и румен рассматриваются в публицистике ФГОУ как единое сообщество «греки Приазовья, говорящие на местных греческих диалектах»; предполагается, что в будущем, в результате школьного преподавания, эти «местные диалекты» заменятся новогреческим литературным языком. Тюркский язык урумов практически не упоминается, или интерпретируется как навязанный идиом, язык врагов. Эта модель, однако, вызывает протест у отдельных представителей элиты, профессионально связанных с языком, – румейских и урумских литераторов, и смутное недовольство «простых носителей», по крайней мере, урумов.

В симметричных по своей структуре второй и третьей главах («**Румен Приазовья: язык и самоидентификация**» и «**Урумы Приазовья:**

язык и самоидентификация»), посвященных самоидентификации румесв и урумов соответственно, рассматривается реакция сообщества на современную официальную категоризацию. Изложение материала ориентировано на внутреннюю точку зрения, то есть опирается на мнение самих членов группы.

Для анализа этнического самосознания важны принятые в сообществе номинации, выделяющие значимых для сообщества соседей, которым приписываются определенные свойства. Система этнонимов позволяет поместить собеседника в определенную ячейку, а дублирующие варианты номинаций дают возможность выразить отношение к другой группе.

Какие соседние группы оказывают значительное воздействие на самоидентификацию сообщества? Материалы показывают, что подобными значимыми соседями румесв являются *русские, урумы и греки из Греции*, а для урумов важны *русские, румеи, греки из Греции и крымские татары* (последняя группа актуальна только для поселка Гранитное, где вместе с *греками* проживают татары)³. Состав и границы групп соседей могут не совпадать с внешними классификациями: так например, румеи в большинстве случаев включают в группу *русские* и русских, и украинцев, и напротив, помещают в особую группу урумов, принадлежащих, с точки зрения официальной категоризации, к *грекам*, как и сами румеи.

Противопоставленные *русским* урумы и румеи объединяются в одну группу и используют этноним *греки*, тогда как внутри сообщества тюркоязычные и грекоязычные греки Приазовья разделены. Внутри своей группы и румеи, и урумы используют этноним *греки* только применительно к собственному сообществу; обсуждая другую группу, румеи говорят о себе *греки*, а об урумах – *греко-татары*, а урумы – *греки* (о себе) и *эллины* (о румеях). Система номинаций, принятых сообществом, позволяет в каждый момент времени противопоставить себя любой из групп

³ Курсивом выделены номинации, используемые информантами.

и объединиться с соседями. *Греки* (урумы и румеи) противопоставлены *русским*; *греки* (румеи) – (*греко*)-*татарам* (урумам), *эллины* (румеи и греки из Греции) – (*греко*)-*татарам* (урумам).

И румеи, и урумы называют свой идиом *греческим*, но номинации для идиомов соседей менее последовательны. Присутствие трех идиомов, «претендующих» на лингвоним *греческий* (новогреческий, румейский и урумский), создает сложную систему номинаций (*эллинский, греко-эллинский, греческий, греко-татарский, татарский*) и, характеризуя языковую ситуацию в Приазовье, информанты могут использовать различные соотношения.

Номинации часто связываются информантами с особенностями соседей. Румеи и урумы приписывают соседним группам определенные свойства, позволяющие показать сходство и отличия своего и чужого общества. Подобные маркеры связаны с наблюдениями за повседневной жизнью соседей и наиболее актуальными (авто)стереотипами, манифестирующими определенные черты собственной и чужой традиции. Формулируя, принимая или отторгая признаки, приписываемые другой группой, сообщество вырабатывает непрерывно изменяющееся представление о самих себе.

Информанты используют две системы координат, которые можно условно обозначить как *цивилизованность* и *аутентичность*. Первая, подчеркивающая значимость государства, исторически связана с усвоением норм (советской) культуры, тогда как вторая – с повышением ценности этнической культуры и страхом перед ассимиляцией. Если наибольшей ценностью, позволяющей достичь социального успеха, признается цивилизованность, то высоко оценивается усвоение русского языка (предпочтительное, по сравнению с собственным языком группы), получение образования на русском языке и должность, требующая использования русского языка на работе. Это же положение может оцениваться негативно, если наибольшей ценностью признается аутентичность: необ-

ходимость использовать на работе русский, а не родной язык воспринимается как форма дискриминации, которая ограничивает возможности этнического меньшинства и способствует утрате идиома.

На фоне унификации быта различных групп в Приазовье происходит актуализация отдельных черт сообщества под влиянием осознания ценностей аутентичности «простыми носителями» и формирования «канонического» варианта *греческой* культуры, транслируемой публицистической греческих обществ. Часть маркеров *греческого* быта представляет собой предметы или практики, вышедшие из употребления на сегодняшний день, тогда как другие продолжают использоваться в сообществе или воссоздаются заново. Для формирующейся традиции реальность подобного разделения несущественна: и те, и другие маркеры реализуются в *греческом* празднике, не связанном с повседневной жизнью сообщества.

Оценки с точки зрения аутентичности возобладали в восприятии быта, праздничных традиций, выбора «национальности» (до отмены этой графы в паспортах граждан Украины), тогда как в отношении родного языка в интервью чаще встречаются оценки с точки зрения цивилизованности, особенно среди румеев (и, отчасти, среди урумов).

В восприятии *русских* для урумов и румеев важно разделение на городских и местных жителей, а также степень включения в локальное сообщество, зависящее от времени появления в греческом поселке. В интервью *русскими* называются и переселенцы 1930х годов, выросшие в греческих поселках, и жители Донецка, в т.ч., сотрудники администрации, однако характер взаимодействия с этими группами различается, а сами сообщества обладают разными статусами в глазах румеев. Отношения с приезжими / городскими *русскими* включаются информантами в контекст властной иерархии советского времени: приезжие русские олицетворяют для румеев *начальство и государство*.

Между собой румеи и урумы, обладающие «одинаковой бытовой культурой»⁴ и называющие себя *греками*, с точки зрения внешнего наблюдателя, различаются лишь лингвистически. По мнению же самих носителей, язык является не единственным, но основным маркером, разделяющим их и урумов. Объективно существующие лингвистические различия составляют часть повседневного опыта взаимодействия групп и упоминаются всеми информантами, однако часть сообщества полагает, что представители другой группы также обладают отличиями в характере, внешнем облике, бытовых привычках.

Урумы описывают себя как цивилизованную, урбанизированную группу, овладевшую ценностями русской (советской) культуры, тогда как румеев воспринимают как деревенских, некультурных и нецивилизованных людей. С другой стороны, румеи обладают более высоким статусом с точки зрения ценностей аутентичности – по мнению урумов, румеи сохраняют язык и, отчасти, *греческие* традиции.

При анализе этнической самоидентификации продуктивно оказывается рассматривать не только повседневное взаимодействие (с русскими, румеев и урумов между собой, урумов с крымскими татарами в поселке Гранитное), но и границы с воображаемыми сообществами или *национальностями (греками из Греции и татарами / турками)*, чье влияние на самоопределение информантов порой не менее реально, чем контакты с соседними группами.

Дискуссии об этничности урумов (среди самих урумов и среди румеев) призваны выяснить «истинное» соотношение языка и этничности тюркоязычных греков Приазовья, так как несовпадение «языка» и «этничности» (лингвонима и этнонима) означает для большинства информантов «искажение» одного из признаков. Информанты стремятся реконструировать идеальное прошлое состояние сообщества, когда урумы

4 Иванова Ю.В. Греки в России – не случайные гости... // Диаспоры. №1, 2002. С. 28

обладали титульными языком и этничностью: *чистые греки с греческим языком* или *татары с татарским языком*.

Воображаемые сообщества часто привлекаются информантами для интерпретации межгруппового взаимодействия: румыны описывают *татарские* свойства урумов. Большинство румсеев, однако, не придерживается однозначной категоризации урумов в терминах *греки* или *татары*, и в интервью преобладает инструментальный подход в определении другой группы: информанты сравнивают известные им свойства урумов с собственными, показывая общность и отличия сообществ. В глазах простых информантов, урумы – *греко-татары*, похожие на румсеев, хотя и отличающиеся от них; двойной этноним позволяет подчеркнуть как объединяющее, так и разделяющее начала. Для румсеев быть *греком* означает отличаться от русских (негреков); быть отчасти такими же как урумы, но более *настоящими* греками; стремиться войти в воображаемое сообщество *греков*, воплощаемое *греками из Греции*, признавая себя менее *чистыми* греками.

Контакты с *греками из Греции* привели к изменению статусов урумов и румсеев, так как последние оказались ближе к *настоящим грекам*. Болезненность проблемы языковых контактов греческого с тюркскими языками отчасти определили позицию ФГОУ. Вследствие этого, точка зрения на урумский язык как *неправильный, навязанный грекам язык врагов* становится известна через публицистику греческих обществ даже тем урумам, кто никогда не бывал в Греции и не встречался с *настоящими греками*.

Сообщество пытается объяснить подобное положение. Необразованные представители самого старшего поколения урумов ориентируются, как правило, на доподлинно известный им «факт»: их язык является *греческим*, а они сами – *греками*. Соотнося эту информацию с новыми сведениями об ином, принципиально непонятном для них, языке греков Греции, и рассказами или собственными впечатлениями от встреч с носи-

телями других тюркских языков, информанты создают индивидуальные объяснения, курьезные с точки зрения внешнего наблюдателя или более молодых урумов (например, в Греции *эллинский, а не греческий язык*, а в Азербайджане или Казахстане живут люди, которые *хорошо понимают по-гречески* и которые, возможно, также являются *греками*). Попытки создать непротиворечивую версию этнической истории группы свойственны, в первую очередь, представителям урумской элиты в поселке Старый Крым и более молодым носителям, владеющим «верными» представлениями о языках и нациях. Они вовлечены в процесс поиска новых формулировок этничности в контексте воображаемых сообществ *греки, турки, татары*.

Рассказы о взаимодействии с греками из Греции и с представителями других тюркоязычных групп создают у урумов Старого Крыма представления о сообществах, больших, чем локальная группа – *греки* и «сообщество людей, понимающих наш язык» (иногда в качестве общего этнонима информанты используют номинации *турки* или *татары*).

В одном из урумских поселков (Гранитное) с конца 1950х гг. проживает группа крымских татар, ставших там наиболее значимыми соседями для урумов. Наиболее значимые для поддержания границы с крымскими татарами маркеры сообщества – язык и вероисповедание; язык манифестирует близость урумов и крымских татар, тогда как вероисповедание позволяет обоим отделить себя от другого сообщества.

Характер контакта и особенности другой группы определяют смыслы, которые выходят на первый план для локального сообщества, однако эти свойства почти никогда не создаются заново, а присутствуют подспудно в качестве одного из признаков, приписываемых группе себе. При необходимости – в ситуации изменения конфигурации групп, иной категоризации – эти признаки позволяют дать иное самоопределение. Так, например, христианская вера урумов стала, как упоминалось выше, наиболее значимым признаком в поселке Гранитное с момента появления в

поселке крымских татар и нашла воплощение в воспринятых из публицистического дискурса рассказах о насильственной ассимиляции и навязанном грекам выборе между родным языком и вероисповеданием – возможностью сохранить лишь один признак во враждебном окружении. Однако само по себе представление о христианской вере группы как фоновый смысл того, что значит «быть греком», присутствует и в других поселках, но не выполняет для их жителей – на сегодняшний день – дифференцирующую функцию.

В четвертой главе («Языковая лояльность и сохранность идиома у румеев и урумов») рассматриваются эстетические, эмоциональные и статусные характеристики урумского и румейского языков, высказываемые урумами и румеями, представления носителей о жизнеспособности своего идиома.

«Материалом» метаязыковых комментариев информантов отчасти служат существующие в действительности черты идиома (например, фонетические характеристики, интерпретируемые символически) или институциональное положение языка. Однако интерпретация общепризнанных в сообществе свойств языка зависит от установки сообщества и информанта. Сопоставление интервью с румеями и с урумами показывает, как одни и те же характеристики идиомов осмысляются по-разному представителями каждой из групп.

Информанты-румеи подчеркивают диалектную дробность идиома, отсутствие официального статуса, письменности и литературы, простоту, бедность выразительных средств, «смешанный» характер, неспособность служить языком межэтнического общения, «бесполезность» румейского языка. Очерченные выше представления о румейском языке косвенно отражаются в стратегиях сохранения и использования идиома в сообществе (подобные связи взаимнообратимы, и языковое поведение сообщества, в свою очередь, формирует стереотипные представления о языке).

Урумы оперируют сходным набором представлений о языке, однако их оценки собственного идиома не столь однозначны. Урумский язык невысоко оценивается с точки зрения его статуса (на фоне русского и отчасти новогреческого языков), однако внутри группы идиом символизирует идентичность группы и описывается как «родной», «свой», «красивый» язык.

Представления носителей о языке находятся в контексте взаимодействия с другими группами и идиомами. Оценки румеями и урумами своего языка тесно связаны со статусом контактирующих идиомов (русским, новогреческим, урумским / румейским). Например, урумы описывают свой идиом как «смешанный», «испорченный», *греко-татарский* (содержащий греческие и татарские элементы), по сравнению с румейским и новогреческим.

Сопоставление с новогреческим принципиально важно и для румеив. В сообществе нет единого мнения о близости идиомов, и информанты балансируют между признанием почти полного сходства румейского и новогреческого и осознанием различий двух идиомов. Близость к престижному новогреческому приводит к трактовке румейского как «диалекта» литературного языка. При всей условности разделения языка и диалекта для лингвистов, для носителей характерно представление о низком статусе диалекта и высоком – литературного языка, что приводит к мысли о желательности дрейфа от диалекта к языку, замены диалектных черт – литературными.

Сформировавшаяся под воздействием контактов с другими группами языковая лояльность косвенно влияет на стратегии сообщества в области сохранения или отказа от идиома. Негативные оценки идиома, принятые в сравнении с другими языковыми вариантами, могут служить причиной выбора языка. Сложно выделить причины и следствия в ситуации, когда информант не говорит с детьми на родном языке и утверждает,

что не хочет учить их румейскому, потому что это *бесполезный, некультурный язык*.

Анализ языковой ситуации в урумских и румейских поселках показывает, что языковая лояльность должна учитываться как один из факторов при анализе языкового сдвига и оказывает не меньшее влияние, нежели фактические условия для сохранения языка (такие как общее число и средний возраст носителей идиома, институциональная поддержка и др.).

В Заключении подводятся общие итоги исследования и рассматриваются исследовательские стереотипы, не подтвержденные в ходе исследования.

На основании анализа категоризации греков Приазовья в официальном, научном и публицистическом дискурсах, взаимодействия румеев и урумов между собой и с другими группами, а также описания языковой лояльности группы можно сделать следующие выводы.

1. Наши информанты включают себя в сообщество греки Приазовья и осознают близость урумов и румеев, поддерживаемую официальной категоризацией и противопоставлением негреческому населению.
2. Внутри группы граница между урумами и румеями чрезвычайно значима и поддерживается, в первую очередь, языком, но с привлечением и других маркеров.
3. Контакты с Грецией и обусловленная ими политика ФГОУ формируют, с одной стороны, самосознание диаспоры, а, с другой, – вызывают стремление подчеркнуть автономность группы. В составе «общегреческого единства» мариупольские греки образуют иерархию греческости *настоящие греки – румей – урумы* (признаваемую всеми группами).
4. Стремление к автономии особенно характерно для урумов, среди которых распространяются этногенетические мифы, обосновывающие

иную природу группы, и актуализируются связи с другими тюркоязычными сообществами.

В начале исследования предполагалось, что тюркский язык группы не служит для поддержания *греческой* идентичности урумов и, следовательно, конструируя свою этничность, урумы как группа (и отдельные носители) должны в большей степени прибегать к другим символическим маркерам, однако эта гипотеза оказалось нерелевантной: внутри группы *греческий* или *наш греческий* является символом идентичности.

Кроме того, перед началом работы высказывалась гипотеза, что соотношение языка и этничности в румейском сообществе – у *греков с греческим языком*, – не несет возможных противоречий и послужит своего рода сравнительным материалом для исследования «сложной» тюркоязычной группы. Однако отношение сообщества к своему идиому оказалось более конфликтным по сравнению с урумами: для некоторых информантов язык как групповой маркер несет отрицательные смыслы (так, для румеев, приехавших на работу в Грецию, он маркирует принадлежность к непрестижной группе). Как показало исследование, часть румеев готова к отказу от румейского языка как символического маркера группы и замену его на новогреческий (подобная подмена облегчается омонимией лингвонимов *греческий* и *греческий*). Параллельно происходит процесс фактической утраты языка и постепенного переход на доминирующий русский язык; по-видимому, низкая языковая лояльность румеев служит одним из факторов языкового сдвига. Подобный процесс происходит и в урумских поселках, однако лояльность сообщества служит скорее фактором поддержки и сохранения языка.

В Приложении приведен путеводитель по интервью.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Баранова В. Язык и этническая самоидентификация тюркоязычных греков (урумов) Приазовья // VI конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28-июня 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 468.
2. Баранова В.В. Взаимодействие близкородственных языков: урумский и крымско-татарский в поселке Гранитное Донецкой области // Humaniora: Lingua russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц. Тарту, 2006. С. 16-26.
3. Баранова В., Викторова К. Рец. на книгу: Kira Kaurinkoski. Les Grecs dans le Donbass. Analyse des identités collectives dans deux villages d'Ukraine orientale // Антропологический форум. 2004. №1. С. 347-352.

Подписано в печать 19.09.2006
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз.
Заказ № 368.

Отпечатано в ООО «Издательство "ЛЕМА"»
199004, Россия, Санкт-Петербург,
В.О., Средний пр., д.24, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru

